

Светлана Лакомская

*Ему было всего
шестнадцать*

Я помню!
Я горжусь!

1941 - 1945

Светлана Лакомская

*Ему было всего
шестнадцать*

*Великий Новгород
2025*

ББК 84(2Рос-4Нов)

Л19

Лакомская, Светлана Алексеевна,

Ему было всего шестнадцать: рассказ о Лёне Голикове – юном партизане, Герое Советского Союза / С.А.Лакомская; рисунки учащихся Парфинской и Полавской средних школ.- В.Новгород: Печатный Двор,2025.-13с.:ил.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

**о присвоении звания Героя Советского Союза
командирам партизанских соединений и партизанам
Ленинградской области**

За образцовое выполнение заданий Командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство и за особые заслуги в организации партизанского движения в Ленинградской области присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:
ГОЛИКОВУ Леониду Александровичу...

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *М. КАЛИНИН*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *А. ГОРКИН*

Москва, Кремль, 2 апреля 1944 г.

Предисловие

Перед вами книга, посвящённая столетнему юбилею со дня рождения героя Советского Союза, юного партизана Лёни Голикова. Эта книга рассказывает историю мальчика, ставшего символом мужества и героизма для многих поколений россиян.

Автор книги «Ему было всего шестнадцать» — Светлана Алексеевна Лакомская, член Российского союза профессиональных литераторов, жительница посёлка Парфино. Её талантливо написанный рассказ погружает читателя в атмосферу суровых военных лет, показывая нам судьбу простого подростка, вставшего плечом к плечу с взрослыми мужчинами в борьбе с фашизмом. Рисунки, украшающие страницы книги, выполнены учащимися школ п. Парфино и п. Пола. Они воплотили своё видение подвигов юного героя, сохранивших свою значимость спустя десятилетия.

Для жителей Парфинского района имя Лёни Голикова имеет особое значение. В марте 1942 года Голиков добровольцем ушёл в партизаны. Участвовал в борьбе против немецко-фашистских оккупантов на территории Ленинградской (ныне Новгородской) и Псковской областей, был бойцом-разведчиком 67-го партизанского отряда 4-й Ленинградской партизанской бригады.

Принимал участие в 27 боевых операциях. Особенно отличился при разгроме немецких гарнизонов в деревнях Апросово, Сосницы и Север. Всего им уничтожено: 78 немцев, 2 железнодорожных и 12 шоссейных мостов, 2 продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами.

Его жизнь была короткой, но яркой. Погибнув в возрасте 16 лет, герой остался навсегда молодым в нашей памяти. За проявленную храбрость и отвагу Президиумом Верховного Совета СССР ему посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Имя Лёни Голикова увековечено не только памятниками и улицами городов и сёл, но и благодарностью народа,

бережно хранящего воспоминания о его подвигах. Книга, которую вы держите в руках, призвана напомнить новым поколениям о тех людях, благодаря которым мы имеем мирное небо над головой. Пусть эта книга станет ещё одним вкладом в сохранение исторической памяти и воспитание чувства гордости за нашу великую страну и её героев.

Ему было всего шестнадцать

*В одной строке с Валентином Котиком,
Маратом Казеем и Зинаидой Портновой –
юными Героями Советского Союза,
стоит и имя моего земляка –
Леонида Голикова.*

Семья Лёньки жила в небольшой деревеньке Лукино, привольно расположившейся на высоких берегах красивой речки Полы, спрятавшейся среди густых Новгородских лесов. Добраться в маленькую, ничем не примечательную деревушку совсем непросто, и если здесь появлялись редкие гости, то для местной детворы – это всегда большое событие. В деревне находилось всего шестнадцать дворов, и мальчишек Лёнькиного

«Лёнькина деревня», Элина Куртамирова, 7 лет, п. Парфино

возраста было совсем немного – он сам, да его друзья – пятеро таких же босоногих сорванцов.

В школу ходили в соседнюю деревню Мануйлово, куда их перевозили на пароме, но занятия, где всё шло точно по расписанию – не очень-то нравились свободолюбивому Лёньке, и лишь возвратившись из школы, начиналась настоящая жизнь деревенского озорника.

Гонял видавший виды, потрёпанный мяч, удил на реке рыбу, лазил по чужим садам или, разгоняя уютно устроившихся в дорожной пыли разморенных солнцем кур, слонялся по деревне в поисках приключений. И эти приключения Лёнька обязательно находил. Редкий день проходил без разбитого у соседей стекла или иной, вольно, или невольно устроенной им каверзы. И тогда Лёнька быстренько улепётывал от рассерженной матери, прибежавшей на истошный крик соседок и старавшейся побыстрее загнать его домой длиннющей хворостиной.

Однако беззаботное Лёнькино детство закончилось совершенно неожиданно. Болезнь отца внесла в его жизнь значительные перемены, и в свои четырнадцать Лёнька пошёл работать на завод в соседний посёлок Парфино, расположенный за несколько километров. С этого дня он стал единственным в семье добытчиком и кормильцем. Мать сидела дома с постоянно болеющей младшей сестрёнкой Лидочкой, а отец хоть и старался выполнять посильную работу на сплаве леса, но нелёгкий труд сплавщика давался ему с большим трудом, и он очень быстро уставал. И всё бы ничего, они как-то перебивались, но однажды ранним июньским утром его разбудил встревоженный голос матери:

– Сынок, сынок, вставай! Беда пришла! – на одной руке женщина держала Лидочку, а другой пыталась разбудить сына.

Однако отработавший смену в заводе, а потом пробежавший до поздней ночи подросток, просыпаться вовсе не хотел.

– Да проснись же ты, Лёнька! Война началась...

Он даже не разобрал сказанных матерью слов, и так и не открыв сомкнутых сладким утренним сном глаз, лишь невнятно буркнул в ответ: – Ну, мам! Я ещё посплю чуток!

Осознание случившегося пришло к Лёньке потом, после его окончательного пробуждения. Дома никого не было, лишь пронизанные сверкающими пылинками солнечные лучики сиротливо блуждали по углам пустого дома, да в уютно пахнущем молоком и свежим хлебом воздухе, повисла непривычная, подозрительная тишина. Мальчишка наскоро ополоснул лицо, схватил со стола кусок уже начавшего подсыхать хлеба и опрометью выскочил на улицу.

Лёньке показалось очень странным, что в разгар рабочего дня в деревне царила настоящая суматоха – плакали женщины, садились на подводы и куда-то уезжали деревенские мужики. Отца среди них не было. И что было ещё более странно, никто не обращал внимания на повисших на плетне ребятишек, что им всегда строго-настрого запрещалось. «Куда это собрались дядя Ваня, дядя Митя и все остальные? Если на покос, так рановато вроде, и плачут почему?» – промелькнуло в Лёнькиной голове. Но тут он увидел своего дружка Петьку, намертво вцепившегося в сапог дяди Лёши – его отца.

– Батькааа, не уезжай на войну, батькааа! Если тебя убьют, как мы тут без тебя?

К Петьке сейчас же подбежала его мать, тётка Лиза и принялась охаживать сына по не по-детски крепкой спине.

– Да что ты такое говоришь-то, негодник?! Счас вот я задам тебе, вахлак ты этакий!

И только сейчас до Лёньки дошёл смысл сказанных утром матерью слов. Война же началась, а он, соня-засоня, всё проспал! Подбежав к другу, Лёнька потянул его за рукав выцветшей ситцевой рубахи:

– Петька, успокойся! Пойдём лучше порыбалим! Чего нюни-то распустил? Ревёшь, как девчонка...

Лёнька не знал, и не мог знать, что такое война, но каким-то интуитивным чувством понимал – происходит что-то очень страшное, непоправимое и старался по-своему, по-мальчишески, успокоить друга.

– Порыбалим? Да ты с ума спятил! Конечно, тебе можно и на рыбалку, и куда хошь можно, и говорить «не реви» можно, у тебя ведь отец болеет, и на войну не пойдёт! А мой? Видишь, мой-то батька на фронт уходит, добровольцееем. В сельсовет поехали ии, – на миг перекошенное злобой лицо Петьки снова приобрело страдальческие черты.

За обидные слова о своём отце Лёньке захотелось сначала врезать по заплаканной Петькиной физиономии, и ещё вчера он бы так и сделал. Но сегодня всё изменилось – ему стало нестерпимо жаль, этого простоватого добродушного крепыша и, успокоив перекатывающиеся на скулах тугие комки, мальчишка сдержался. Однако гневная, но вместе с тем справедливая тирада друга требовала от Лёньки немедленного и достойного ответа.

– Ну, и что, если и болеет. Он же не специально. А воевать, может, я вместо него пойду. Вот! – он сказал это, не подумав, но нечаянно сорвавшиеся с губ слова накрепко врезались в его душу.

Но Петька уже не слышал Лёнькиных слов. Поднимая клубы пыли босыми, затвердевшими без обуви пятками, он нёсся по деревне, догоняя отцовскую подводку. Вскоре за телегами улеглась дорожная пыль, и только женский вой, доносящийся то с одного, то с другого соседского дома, напоминал о случившемся. Деревня без мужчин опустела...

Теперь каждое утро вместе с матерью Лёнька слушал старое, потрескивающее радио, висевшее над столом кухни, но вести были неутешительными. Наши войска оставляли советские города один, за другим, и в Лукино заговорили о скором приходе немецких войск сюда, в Старорусский район.

Не став дожидаться начала оккупации, несколько семей побогаче уехали, и в деревне остались только те, кто этого сделать

не мог. В их числе были и Голиковы – не позволило отсутствие транспорта и состояние отца – осунувшегося, почерневшего, обвиняющего себя в не вовремя приставшей к нему хвори. Мать его успокаивала, как могла, и объясняла, что немцы тоже люди и не станут причинять зло мирным жителям. Но если бы она только знала, как жестоко ошибалась...

Лёнька хорошо запомнил тот день, когда в сентябре 1941-го гитлеровцы впервые появились в Лукино. Наглые, шумные, они сразу повели себя, как настоящие хозяева, выгнав за реку Лёнькину семью и других оставшихся здесь жителей, и заселились в самом лучшем деревенском доме.

Стиснув зубы, Лёнька смотрел, как, не выпуская из рук автоматов, немецкие солдаты нагло расхаживали по чужому подворью. Смеялись, горланили непонятные, режущие слух песни, стреляли в стену соседнего дома, а потом устроили настоящую облаву на домашнюю живность – гусей, ошалело кудахчущих кур, вывели со двора и их кормилицу – красно-белую корову Зорьку. И только дерзко выставляющих рога коз, они стреляли прямо на месте. Потом двое из них вытряхнули из стоящего на дворе ведра собранные накануне Петькой яблоки и, отыскав в сарае лопату, отправились в огород.

Картошку ещё не копали, Лёнька с матерью должны были начать уборку только через неделю, но немцы распорядились иначе. Добывая клубни покрупнее и поровнее – они перелопатили и вытоптали урожай полностью. Убрать женщинам остатки картофеля немцы не разрешили. Вскоре деревня была полностью разграблена.

– Гады, гады, гады! Жаль, что автомата у меня нет, а то бы я как дал сейчас, – захлёбываясь душившей его ненавистью, бормотал Лёнька и, взяв в руки воображаемое оружие, показал, как станет стрелять – та-та-та-та-та-та...

С болью коренного деревенского жителя Лёнька смотрел на погибающие огороды – главное подспорье их нелёгкой

жизни и уже знал, что этой зимой им придётся очень туго, ведь парфинский завод, где он ещё совсем недавно работал, эвакуировали ещё в июле. Мысли чёрным лохматым роем проносились в уставшей от дум Лёнькиной голове: – «Что они будут есть? Как больной отец и мамка, а маленькая сестрёнка как?»

И если поначалу он встретил приход немцев скорее настороженно, с лёгкой примесью мальчишеского любопытства, то сейчас он их просто ненавидел; ненавидел за постоянно плачущую голодную сестру, за корову, которой они лишились, за униженных своих односельчан и поруганную врагами землю. Ведь это была его, Лёнькина земля – его родная деревня, где он родился, где были похоронены его деды и прадеды. Его речка с белыми чудесными кувшинками и тихо дремлющий за домами лес – были тоже его, Лёнькины.

Но теперь получалось так, что его была только вот эта, выкопанная родителями убогая землянка, в которой они ютились после изгнания и жили единственной надеждой – «наши» обязательно вернуться. У них почти ничего не осталось – все немудрёные их пожитки немцы сразу же выволокли на двор и сожгли. И Лёнькины кулаки непроизвольно сжимались: – погодите же, фрицы проклятые, скоро я вам за всё отомщу!

Однако гитлеровцы продолжали хозяйничать в деревне, и пятнадцатилетнему Лёньке казалось, что с начала войны уже прошла целая вечность, а тихая довоенная жизнь теперь стала волшебным сном, который он видел почти каждый день. Сном стали и яркие малиновые закаты над Полой, и безмятежное бормотание лесных голубей за околицей; беспечные игры малышей и даже детство его самого – обычного деревенского мальчишки, теперь тоже было сном.

Он не раз порывался бежать к «нашим», но куда – мальчишка не знал, а спросить было не у кого и нужно было идти в другие деревни. Но как, если после совсем недавно отгремевших здесь

боёв, ходить по округе было просто опасно, да и немцы лютовали, грозя повесить всех, кого увидят в лесу.

Но на месте Лёнька не сидел и чтобы хоть что-то разузнать, он осторожно прокрадывался в оккупированное немцами Парфино. Однако его опасные вылазки не приносили желаемых результатов – он по-прежнему ничего о «наших» не знал. Ему всего лишь раз посчастливилось услышать о партизанах, но где они – мальчишка так и не сумел выяснить.

Не однажды он заводил с друзьями разговор о побеге на фронт, но всякий раз у него ничего не получалось – никто из них бежать на войну не хотел – Сашка боялся, Петька не хотел оставлять мамку, а Колька ответил просто – «Не побегу, а то дед высекет».

Бежать одному? Но куда? Бои шли где-то в соседнем районе, но Лёнька не раз слышал, что положение там постоянно менялось – где утром могли быть немцы, вечером – были уже наши. Или наоборот. Поэтому куда бежать, подросток не знал. И только после нападения партизан на немецкие гарнизоны в Лукино и ближайших деревнях, Лёнька краешком уха услышал о своём учителе и понял, что нужно делать.

Лёнькины сборы были недолгими. Натянул на себя ношеную-переносимую куртку, которая была ему уже заметно мала, такую же видавшую виды кепку, обул огромные, не по размеру, кирзовые сапоги, которые по счастливой случайности, ему совсем недавно удалось подобрать в лесу. И таясь от всех – соседей, друзей, родителей, Лёнька решил отправиться на розыски своего бывшего учителя Василия Григорьевича, которого всегда уважал и любил.

Шмыгнув по-детски носом, он осторожно выбрался из землянки. Уже заметно похолодало, и не сегодня так завтра, наступит быстро приближающаяся зима.

– Сынок, ты, куда так рано собрался? – донёсся до него голос матери, но Лёнька не ответил и опрометью бросился прочь.

«Пошли в партизаны», Вероника Котова, 10 лет, п. Пола

Очень скоро он вышел на ведущую через лес, раскисшую дорогу. Ещё было довольно темно, бледный рассвет только-только занимался, но по-утреннему поблѣкшая уже луна, сегодня была с ним заодно. Она постоянно его догоняла и хорошо освещала путь в мрачных лесных полусумерках. Мальчишка старался поторапливаться, однако огромные неуклюжие сапоги то и дело разъезжались в глинистом месиве, и чтобы не упасть в грязь, Лѣнке с большим трудом удавалось удержать равновесие.

В мрачном утреннем воздухе стояла траурная тишина; не слышно даже лесных завсегдаев – сов, и мальчишке казалось, что сейчас и они бояться кричать, остерегаясь зловещей автоматной очереди. Он шѣл по почерневшей траве, скорбящей по поруганной вражеским сапогом земле, пробирался через обгоревшие сосны и удивлялся – даже всегда полыхающая багрянцем ольха, в эту осень стояла притихшая, серая, и одинокая. И эти безрадостные картины пришедшей

«Путь к учителю», Ульяна Цокурова, 7 лет, п.Марфино

осени вызывали в душе мальчишки ещё большее желание свести счёты с немцами.

Уже совсем рассвело, и Лёнке пришлось стать еще осторожнее, и теперь он пробирался напрямки через лес. Мальчишка хорошо знал, что местным строжайше запрещено перемещаться, и при случайной встрече с фашистами он сильно рисковал, но желание быть партизаном – было гораздо сильнее его страха. Вскоре Лёнка вошёл в Мануйлово и тихонько постучал в дверь учителя.

Увидев на пороге своего дома грязного, подпоясанного обрывком верёвки бывшего ученика, Василий Григорьевич очень удивился.

– Лёнка, сынок, ты как здесь оказался? А если бы на фрицев нарвался? У них разговор короткий, – в добрых внимательных глазах учителя вспыхнули искорки неприкрытого восхищения.

– Не, Василий Григорьевич, я потихонечку, осторожненько, – Лёнка шмыгнул покрасневшим носом и улыбнулся, – Правда, сильно боялся, когда к вам постучал. Вдруг, думаю, немцы?

– Да разве ж им нужны мои хоромы? В деревне много домов гораздо лучше моего; вот в них они и поселились. Рассказывай, чего пришёл, да домой беги. Не за себя боюсь, за тебя. Не ровён час, нагрянут, – Василий Григорьевич по-отцовски прижал Лёнку к себе, спряв лицо в его макушке.

– А пришёл я к вам вот по какому делу – к партизанам, в отряд хочу, – слова недавнего беззаботного сорванца Лёнки прозвучали очень ответственно и убедительно.

– А не побоишься, Леонид? – учитель не стал лгать, что никаких партизан нет, и внимательно посмотрел в бесстрашные глаза мальчишки.

– Нет, не побоюсь, – Лёнка был горд, что Василий Григорьевич не только сказал ему правду, но и впервые назвал как взрослого – Леонидом.

– Но, видишь ли, дорогой ты мой партизан, маловат ты ещё для войны. Подрасти сначала маленько, и на меня не сердись, а

пойми – не могу я в отряд тебя отправить. Права такого не имею, потому что отвечаю за тебя и перед родителями твоими, и перед всей нашей страной, – увидев, как обиженно запыхтел мальчишка и его кислое лицо, Василий Григорьевич постарался смягчить свой отказ и добавил – а за смелость твою сделаем так: здесь помогать можешь, это – и будет твоей войной. Да не переживай ты так сильно, Лёня! Видишь – и я не в партизанском отряде, но у каждого из нас здесь тоже своя война, своя работа, и не менее ответственная и важная, чем держать в руках оружие. Так как, договорились?

– Но послушайте, Василий Григорьевич, я ... – в надежде, что учитель передумает и скажет, где партизаны, Лёнька решил попросить ещё раз, но наставник легонько подтолкнул паренька к двери, и Лёньке ничего не оставалось, как отправиться домой.

Так он стал выполнять поручения, которые передавал ему Василий Григорьевич, а если сказать проще – ходил на разведки в немецкий тыл. Одетый в сильно поношенный, не по размеру полушубок, низкорослый подросток с круглым, по-детски открытым милым лицом, почти не вызывал подозрений ни у немцев, ни у полицаев, и Лёньке удавалось пробираться в самые дальние деревни и собирать ценную информацию для партизан. Хорошо зная местные леса, подросток был для них и проводником, и связным, однако по-прежнему продолжал настоятельно проситься в партизанскую бригаду. Учитель его хвалил, благодарил за проделанную опасную работу, но в партизанский отряд его по-прежнему не брали. А Лёньке не терпелось взять в руки оружие и самому встать на защиту страны.

Но после одного из партизанских актов, немцы не оставили нападение партизан безнаказанным – дотла была сожжена Лёнькина родная деревня, а вместе с ней и Сачково, бывшее всего в двух километрах. Теперь семье Голиковых, как и остальным жителям, было некуда возвращаться, и это ещё больше добавило решимости попасть в партизанский отряд.

«Тайное место Лёньки», Иван Мамонтов, 7 лет, п. Парфино

А ждать, как оказалось, было совсем недолго. В январе 1942-го, части Рабоче-крестьянской Красной армии начали наступление, и уже в феврале от немецких оккупантов были освобождены посёлок Парфино и близлежащие населённые пункты. Жители стали понемногу возвращаться в родные, наполовину уничтоженные, разорённые деревни, но Лёнькиной семье возвращаться было некуда – их дом сожгли немцы, и пришлось ожидать прихода тепла всё в той же землянке.

Но Лёнька по-прежнему грезил партизанами, и без дела не сидел. Он решил собрать побольше оружия, складывая его в тайное место. Чуть свет он сбегал от матери и целый день бродил по зимней округе, собирая всё, что мог отыскать: винтовки, пистолеты, гранаты, и его тайник становился всё больше и больше. А в деревне, где жил его учитель, уже открыто набирали до-

бровольцев в партизанский отряд. И Лёнька тут же решил – пришло время вновь обратиться к своему учителю.

– Василий Григорьевич, возьмите в отряд, ну, пожалуйста! – голос мальчишки звучал твёрдо, и уже не срывался от волнения, как в прошлый раз.

– Вот, в чём дело, сынок. Я сейчас сам говорил с партизанским командиром, но, к сожалению, он снова отказался взять тебя в отряд. Да, ты много нам помогал, за что все мы уважаем тебя, как настоящего партизана. Так же командир знает, что ты отчаянный и бесстрашный, но он тысячу раз прав – детям на войне не место, – учитель ободряюще похлопал паренька по плечу, – и не унывай, тебе обязательно найдётся дело. Посмотри хотя бы на свою деревню – кто поднимет её из пепла, если не ты? Мужчин нет, они воюют, а кто поможет твоей матери, матерям твоих друзей, а Лёнька? Кто, если не ты? Посуди сам...

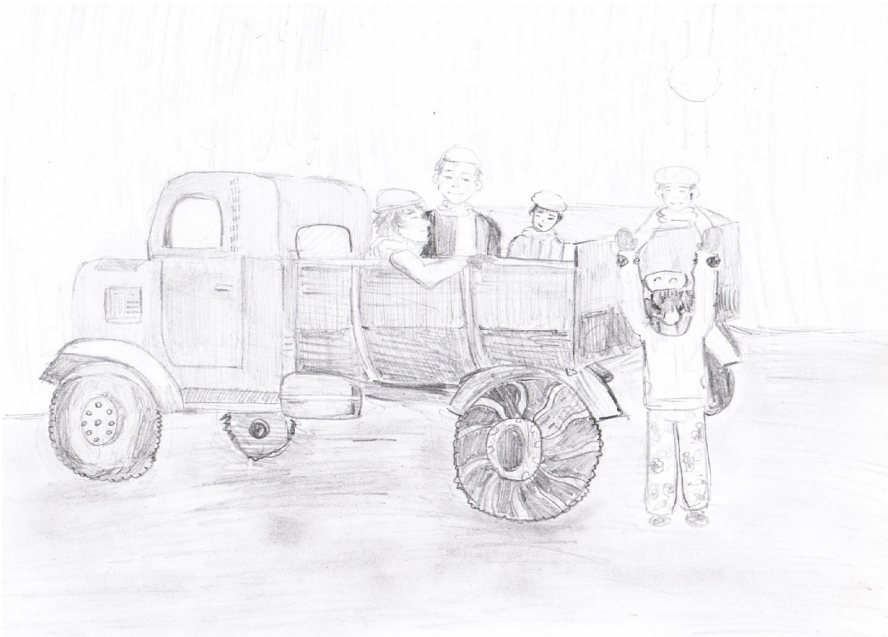
Однако дослушивать Василия Григорьевича Лёнька не стал и, безнадежно махнув рукой, выбежал на крыльцо. Всё, что ему было нужно, он только что узнал – здесь, в Мануйлово, был сам командир лесных воинов! Зоркий взгляд паренька метался по деревне от одного дома к другому, предполагая, где может находиться партизанский командир, и вскоре его глаза остановились на полуторке, стоящей у дома тётки Натальи. Лёнька быстро пересёк улочку и спрятался в полуразвалившемся сарае.

Вскоре из дома вышел подтянутый незнакомец в сером полушубке, а следом за ним и группа мужчин в самой разномастной одежде. «Партизаны! Точно партизаны!» – промелькнуло в голове подростка, и его первым желанием было тот час бежать к ним. Однако предусмотрительный парнишка понял, что сейчас нужно действовать очень продуманно, чтобы его не вернули назад, и принялся выжидать. И только когда грузовик тронулся, Лёнька выскочил из засады, и повис на заднем борту машины. Но росточка ему явно не хватало, и Лёнька продолжал упорно карабкаться в кузов. Его пальцы намертво вцепились в

край борта, и сейчас никакая сила не смогла бы оторвать его от машины.

– Товарищ командир партизанского отряда, возьмите меня с собой! Я Лёнька, Лёнька Голиков! Я хочу к вам, отряд, в партизаны! Я хочу бить врагов за Родину, за свою деревню! – понимая, что ему очень мешает отцовский ватник, и он не сможет забраться сам, беспомощно кричал Лёнька, и в его умоляющем взгляде было написано всё: – решимость и смелость, отчаяние и бесконечное упорство, с которой мальчишка пытался одолеть неприступный борт.

Сидящие в кузове партизаны бросили умоляющий взгляд на своего командира, и сопротивление было сломлено. Он сам подхватил Лёньку за обе руки и втащил в кузов. А партизаны делали всё сразу: – ругали, смеялись, дружески хлопали по плечам и снова ругали.

Ему было всего шестнадцать

«Лёнька – связной», Полина Котова, 13 лет, п. Пола

Так и остался пятнадцатилетний подросток в партизанской бригаде, где очень тепло приняли круглолицего невысокого паренька, напоминавшего им о своих, оставленных дома детях. И никто не знал, что всего через год их юный бригадный разведчик погибнет в неравном бою с врагами в селе Острая Лука. Ему было всего шестнадцать...

Юный партизан Лёня Голиков

«Юный партизан – Лёня Голиков», Василиса Павлова, 13 лет, п.Пола

Музей под открытым небом на месте дома матери Лени Голикова в д. Лукино

Д. Лукино

Сквер имени Лени Голикова в п. Парфино